

Обзор основных терминов постколониальной теории и вопрос их «локализации»

Алима Ж. Бисенова

Назарбаев университет, Астана, Казахстан

E-mail: abissenova@nu.edu.kz

<https://orcid.org/0000-0002-8889-7881>

DOI: 10.32523/2616-7255-2022-141-4-161-171

Аннотация. В этом обзоре мы разберем основные термины постколониальной теории, обсудим их актуальность и применимость к социокультурной ситуации в современном Казахстане. В современной социогуманитарной сфере – истории, антропологии, социологии – сегодня широко используются термины, заимствованные из постколониальной теории, сформировавшейся в западном академическом контексте или, точнее, в контексте взаимодействия западных академий с интеллектуалами из бывших европейских колоний. Несмотря на широкое распространение этих терминов, у многих отечественных и российских коллег остаются вопросы – насколько постколониальный фрейм и постколониальные термины применимы к бывшему советскому пространству и насколько продуктивно сравнение постсоветской действительности с постколониальными ситуациями в других частях мира. В данном обзоре мы попытаемся решить две задачи: во-первых, дать определения и, во-вторых, показать, как эти определения могут быть полезны для описания и теоретизации нашей конкретной ситуации. В чем заключается колониальность, в чем заключается постколониальность, чем колониальность отличается от заимствования? Как колониальность и постколониальность соотносятся с ориентализмом? В какой момент на смену постколониальности приходит деколонизация? И, в конце-концов, как (через кого) эти термины пришли к нам, почему они оказались такими популярными и как они подходят или не подходят к нашему контексту?

Ключевые слова: постколониальная теория, колониальность, постколониальность, постколониальный комплекс неполноценности, деколонизация, ориентализм, ориентализация.

Received 18 November 2022. Revised 25 November 2022. Accepted 31 November 2022. Available online 15 December 2022.

For citation:

Bissenova A.Zh. Обзор основных терминов постколониальной теории и вопрос их «локализации» // Bulletin of the L.N. Gumilyov ENU. Historical sciences. Philosophy. Religion Series. 2022. – Vol. 141. – №. 4. – P. 161-171. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-141-4-161-171.

Для цитирования:

Бисенова А.Ж. Обзор основных терминов постколониальной теории и вопрос их «локализации» // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева Серия Исторические науки. Философия. Религиоведение. – 2022. – Т. 141. – №. 4. – С. 161-171. DOI: 10.32523/2616-7255-2022-141-4-161-171.

Введение

Итак, что мы понимаем под колониальностью и что мы понимаем под постколониальностью? Оба этих концепта хорошо определены и широко используются в теоретической литературе. Согласно одному такому определению, «колониальность» является «обратной, темной стороной» – спутницей модерности, поскольку модернизация всегда производит собственного «иного» – отсталого, нерационального, «традиционного» субъекта, которого всегда надо «подтягивать» до необходимого уровня – освободить его от «традиционных» привычек и диспозиций, приучать к современному и рациональному (Tlostanova & Mignolo, 2012). В таком контексте колониальность – это политическая технология доминирования (Mignolo, 2009). Исходя из этой дефиниции колониальность (в отличие от колониализма) не связывается с определенным историческим периодом или конкретными кейсами колонизации. Колониальность продолжает иметь место и после колонизации, а также может иметь место в обществах, которые никогда не были колонизированы. Например, страны Восточной Европы могут считать себя в отношении колониальности со странами Западной Европы и наднациональными европейскими структурами, в том плане что им навязывается определенный вектор развития и идеологическая повестка. Тем не менее, эти страны административно и политически независимы и, в принципе, имеют опцию «не подчиняться» – выйти из Европейского Союза.

В отличие от колониальности, состояние постколониальности обязательно предполагает ситуацию пре- и пост-: «постколониальное» описывает ситуацию в обществах, которые когда-то были или колониями или частями империй, получили от империй независимость, и, уже имея постколониальный опыт, пытаются «деколонизироваться» в том числе и через рефлексию – изучая и переосмысляя собственный преколониальную, колониальную и постколониальную

историю, а также обличая структуры колониальности, которые неизбежно продолжают присутствовать и доминировать в постколониальных обществах.

Материалы и методы

Если исходить из дефиниций данных выше, то концепты и колониальности и постколониальности могут быть применимы к казахстанскому субъекту и казахстанская ситуация может быть названа постколониальной: поскольку Казахстан получил независимость «от» Советского Союза, до этого будучи колонией (или, как некоторые предпочитают говорить, окраиной) в составе Российской империи, а позже, национальной республикой в составе Советского Союза.

Был ли Советский Союз империей, не был ли он империей, была ли территория современного Казахстана колонией в Советском Союзе или нет, какое соотношение насилия и добровольности, требуется, чтобы признать или не признать Казахстан колонией? Эти терминологические вопросы достаточно описаны как в англоязычной, так и в региональной литературе на русском языке. Из англоязычной литературы самые известные книги о Советском Союзе как империи, которая создавала национальности и управляла национальностями – это монография Терри Мартина (2001) *The Affirmative Action Empire: Nation and Nationalism in the Soviet Union* и монография Франсин Хирш (2005) *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*.

Изначально, модернизационный проект советской власти ставил себе целью уравнивание и равномерное развитие разных народов, входивших в состав Российской империи – то есть задачей советской власти было исправление предыдущей колониальной политики царской России с её дифференциальным отношением к разным сословиям и народам. Однако, к сожалению, благородные цели советской власти часто требовали насильственных мер, в том числе и

в национальной политике, что заставляло её действовать как классическая колониальная империя. Национальная политика советской власти, как отмечает известный исследователь Терри Мартин, была двойственна (Martin, 2011). С одной стороны, в 1920-х и в 1930-х годах была разработана политика «положительного действия» (affirmative action) – коренизации и культурной территориальной автономии, согласно которой коренные народы, проживавшие на собственной территории получали коллективные культурные права и преференции, а с другой стороны насильственная политика экономической и социальной модернизации, борьба с «феодалными пережитками» и «отсталым образом жизни» наносила казахскому обществу невосполнимый урон и культивировало комплекс неполноценности и собственной отсталости. Этот позднесоветский комплекс неполноценности казахоязычного казаха, который говорит на русском с акцентом и которого стыдят и поправляют собственные русскоязычные соотечественники и соплеменники можно сравнить с комплексом неполноценности, описанным у Франца Фанона в книге *Black Skin, White Masks* – о том, как уроженец Мартиники пытается избавиться от своего креольского акцента, который будет напоминать его французским собеседникам о его дистанции от цивилизации (Fanon, 2008).

В целом, как пишет другой исследователь национальной политики раннесоветского периода Франсин Хирш, советская национальная политика была политикой «государственного эволюционизма», в которой национальности и народности должны были пройти путь «двойной ассимиляции» – сначала в «культурно развитую» национальность, а затем уже в советский народ (Hirsh, 2005). Согласно эволюционистскому видению, разные национальности стояли на разных ступенях развития (к примеру, восточные национальности отставали от западных, среди центральноазиатских национальностей исторически традиционно осёдлые считались более развитыми чем традиционно кочевые народы), но постепенно все они должны

были достичь одинаково высокой ступени развития и принять одинаковую форму национальной культуры – иметь науку, оперу, театр, балет, национальный роман и другие атрибуты европейской культуры. То есть, с одной стороны происходила запись народных песен, фольклора, шла модернизация культуры по заданным лекалам, а с другой стороны, всё что не ложилось в заданную форму или выхолащивалось до театрално-фольклорного образца (пример, казахский национальный костюм, некоторые народные инструменты) или объявлялось отсталым и реакционным (например, письменная казахская литература XIX века «Зар-заман»).

Обсуждение

Достаточно непоследовательная политика советской власти по отношению к национальному вопросу привела к тому, что к концу советского периода, многонациональный советский и казахстанский народ подошёл с раздвоенной идентичностью, в некотором роде уже постколониальной идентичностью. Для большинства советских людей, в том числе и для казахов, важна была не только советскость, но и так называемая «пятая графа» в паспорте – то, что социологи и антропологи сегодня называют «этнической идентичностью».

Более того, к концу советского периода у казахов, которым была обещана, но до конца не построена действительно национальная республика появились вопросы по методам национального представительства (декабрьские события 1986 года), утраты национальной культуры, и вытеснения казахского языка из публичной сферы. Многие понимали, что Казахская ССР является казахской лишь по форме, а не по сути. Слова известного поэта Мукагали Макатаева о положении казахов в столице Казахстана стали поговоркой: «қазақтың астанасы, орыстың баспанасы, ұйғырдың асханасы».

После объявления независимости в стране начался процесс уже нового «казахстанского» нациестроительства по «новым правилам» с поддержкой казахского языка и поддержкой

культуры казахского этнического большинства, ставшего большинством (не абсолютным – 39,7%) только в 1989 году. С одной стороны, такое нациестроительство можно сравнить с раннесоветской коренизацией и её антиколониальной риторикой, но, по сути, этот процесс нациестроительства в постсоветском мире был уже постколониальным, а некоторые аспекты «положительного действия» по защите и продвижению казахского языка и культуры можно было бы считать «деколонизацией». Поскольку, на протяжении значительного периода XX века, казахи были меньшинством, казахский часто ассоциировался с аулом и «отсталыми» традициями, а сами казахи для карьерного продвижения должны были вливаться в «многонациональную» русскоязычную культуру, оставляя свой традиционный «культурный багаж» в прошлом. Таким образом, происходила ассимиляция или русификация многих, особенно городских, казахов (а также частично казахов из деревенской местности на Севере) и по языку, и по культурным предпочтениям, и постепенно в обществе сформировалось постколониальное культурно-классовое разделение на «аульных казахоязычных» и «городских русскоязычных» казахов (Bissenova, 2017). А учитывая, что после обретения независимости одновременно начались внутренняя миграция – урбанизация казахов из сельской местности и внешняя миграция – отъезд славянского и европейского населения вкупе с приездом репатриантов-оралманов, такая трансформация не могла не привести к «постколониальным» конфликтам, то, что иногда в постколониальной и антропологической литературе называется «постколониальным беспорядком», как в больших городах – реципиентах, так и в тех северных областях, где не привыкли к доминированию все увеличивающегося казахского большинства.

Русский язык некоторое время поддерживался как *lingua franca*, получив статус «официального языка» межнационального общения и в то же время оставаясь «престижным» языком

бюрократии, культуры и образования. Однако постепенно с принятием закона о языках и уже новой политики «коренизации», позиции казахского языка усилились. Также ослабела стигма всего «традиционного», «отсталого» и «казакпайского» связанного с казахским. На казахском стали развиваться как современные (рэп) так и традиционные (айтыс) жанры, стали говорить политики, выходить популярные фильмы и сериалы. В этой связи сегодня можно упомянуть современный сериал «Келинжан», о жизни традиционной расширенной казахской семьи в ауле, который набирает миллионные (т.е. никогда ранее невиданные для казахского кино или сериалов) просмотры.

Через тридцать лет после независимости, мы можем констатировать, что достаточно быстрым темпом идёт смена бывших советских иерархий в части понятий о культурности – что считается современным, прогрессивным и культурным. Как всё это соотносится с постколониальной теорией, которая сформировалась на Западе?

Читая главные книги мировых теоретиков постколониальности, мы всегда ищем параллели между собой и уже «описанными» постколониальными субъектами – с расово отличным и страдающим от расовой стигмы субъектом Франца Фанона в «Чёрных лицах, белых масках», с его интеллектуалом из «Проклятьем заклеянных», который в конце концов покидает метрополию и едет в Африку чтобы вести антиколониальную борьбу и спасти африканскую культуру и африканское прошлое от «колониального искажения»; с «восточным субъектом» Саида; с субальтерными субъектами Спивак и «национальными интеллектуалами» Чакрабарти, которые пытаются преодолеть разрыв между субъектом и объектом и «проткнуть завесу научной объективности» на национальную культуру и историю не теряя при этом критический взгляд (Fanon [1952] 2008; Fanon 1963; Said [1978] 1979; Spivak 1988; Chakrabarti 2001). Читая все эти тексты, мы в то же время понимаем, что наша постколониальность абсолютно не похожа на эти другие постколониальности и по-своему

уникальна – как писал Толстой «каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

Нашу постсоветскую колониальность часто называют «двойной» – мы находим себя в ситуации зависимости как по отношению к России и советскому прошлому, когда старые структуры колониальности ещё живы, так и по отношению к Западу – нашей уже новой культурной, интеллектуальной и даже политической зависимости от каких-то внешних стандартов модерности, которые касаются важных вопросов демократии, прав человека, экологии, но которые культурно и исторически сформировались в другом – не нашем контексте. Если в советском фрейме, мы считались «ненормальными» из-за феодальных пережитков, азиатскости, неразвитости производительных сил, в новом фрейме мы считаемся всё такими же «ненормальными» из-за авторитаризма, технологической отсталости, отсутствия каких-то законов, положений (например, о правах человека и экологических стандартах) и демократических процедур, которые существуют на условном Западе. То есть ещё не переварив, не отразив и не преодолев нашу предыдущую колониальность, мы уже находимся в другой – какой-то новой «гибридной колониальности» – несмотря на политическую независимость.

Мы часто гордимся тем, что у нас не было и нет расизма, но, как пишет Глостанова, часто у нас и был и есть «расизм без расовой дискриминации» («racism without race») – социальный классовый расизм связанный с иерархией «народов», «прослоек» и классов, возникшей на основе концептов «культурности», «продвинутой» и «цивилизованности» по шкале модерности (когда-то советской, а теперь уже западной модерности) (Glostanova, 2018). Этот разделение и этот (социальный) расизм имеют истоки в советской идеологии, где город и городская индустрия считались главным «местом модерности», а деревня и аул должны были быть реформированы и модернизированы – подтянуты до уровня города. Почти расовая стигма по отношению к тем, кто приехал из аула – казахоязычным

казахам – одна из самых острых социальных проблем и сегодня. В то же самое время, мы страдаем и от некритического накладывания западных расовых категорий, сформировавшихся в трансатлантическом контексте, на нашу действительность. Категории «белого человека», «цветного человека» или «цветной женщины», которые широко употребляются на Западе не совсем подходят для описания классово-культурной постколониальной ситуации в нашем контексте, где более важную роль играют языки, внешние проявления религиозности, и принадлежность к «современным» институциям. Но эти категории сегодня некритически переводятся и на русский и даже на казахский языки и широко используются. То есть, здесь мы имеем дело с ситуацией, когда постколониальность сформировавшаяся в одном контексте трансплантируется в другой контекст, создавая «новую колониальность».

Мы постоянно сталкиваемся со структурами этой «новой колониальности» в образовании и науке (например, необходимостью быть вписанной в глобальную наднациональную науку через индексы цитирования, хотя главная аудитория – студенты и читатели находятся здесь). Как новое глобальное неравенство в производстве знания влияет на развитие науки в развивающихся странах, в частности, как это влияет на «туземность» и провинциальность знания (Соколов и Титаев, 2013). Как можно выбраться из ситуации перманентного догоняющего развития? Не заключается ли «колониальность» уже в самом типе догоняющего развития, когда мы заимствуем внешние стандарты «правильного» знания и «правильного» образования, например, болонскую кредитную систему или модели измерения публикационной активности, не учитывая местный контекст? В данном случае «колониальность» – это постоянное заимствование внешней повестки в производстве знания, отсутствие привязанности знания «к месту», что часто влияет на его (не)пригодность на местах. Не должны ли производители знания быть в диалоге прежде всего со своим обществом и со своей традицией? Действительно ли мы

участвуем в глобальном научном диалоге и становимся частью научного сообщества посредством публикаций в журналах с ненулевым импакт-фактором? Насколько возможен и логистически и с точки зрения человеческих ресурсов постоянный глобальный диалог?

В постколониальной теории существует небольшой, но достаточно известный и признанный набор текстов, создавших концептуальный аппарат, которым пользуются исследователи, работающие в постколониальном фреймворке. Естественно, эти тексты представляют интерес для нашего понимания постколониальной теории и на некоторых из них стоит остановиться подробнее.

Ориентализм (и «ориентализация» как производный термин от ориентализма) сегодня считается одной из самых важных концепций постколониальных исследований. Этимологически термин Ориентализм восходит к англо-французскому *Orient*, который в свою очередь восходит к латинскому «*Oriens*», обозначавшему в Римской Империи азиатские провинции, а также Грецию, Египет, Киренаику (северо-восток современной Ливии), Фракию и Мизию (на Балканах). Как писал известный русский востоковед Борис Тураев (1868-1920) в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона: «Это понятие («*Oriens*») упрочилось еще более после разделения империи, а затем и церкви; граница между этими империями и обеими церквями совпала с границей эллинизма и романизма» (Брокгауз и Ефрон 1890-1907). Таким образом, «Ориент» Западной Римской Империи включал в себя то, что мы сегодня называем «Ближним Востоком» и частично сопоставим с тем, что считалось Ориентом (регион Передней Азии и Северной Африки) уже в период формирования европейских империй нового времени (Брокгауз и Ефрон 1890-1907). В новом западноевропейском воображении Греция и Балканы уже не считались Ориентом, но как отмечал американский антрополог Майкл Хёрцфельд, и Западом в полном смысле этого слова тоже не стали.

В конце 18 века, как пишет Эдвард Саид в «Ориентализме», возникает так называемый «романтический ориентализм» – мотивами Оrients вдохновляются художники и композиторы (Саид приводит в пример оперу Моцарта «Похищение из сераля»), входит в моду изучение восточных языков европейскими философами и историками, издаются и пользуются спросом переводы с арабского, персидского и санскрита важных культурных текстов, например, большой популярностью пользуется первый «научный», т.е. основанный на арабских источниках и толкованиях, перевод Корана на английский выполненный Джорджем Сейлем (1697-1736) (Saïd, 1979). Эти тексты постепенно становятся основой для компаративных штудий в философии, «всеобщей» истории, антропологии, для классификации культур и цивилизаций.

Одновременно на рубеже 18-19 веков начинается процесс европейской колонизации стран Ближнего Востока, которая усиливает так называемый «академический ориентализм». Завоевания сопровождаются великими научными историческими открытиями. «Наполеоновская экспедиция в Египет имела не только военный, но и ученый характер, плодом ее было открытие Розеттского камня, давшего возможность найти ключ к чтению иероглифов», – пишет Борис Тураев в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (Брокгауз и Ефрон 1890-1907). Постепенно в обиход вместе с терминами «Ориент» и «ориентал» входит и термин «ориентализм», обозначающий «особую специализацию» на теме Востока как для людей искусства, так и для людей науки. Первые создают художественные, музыкальные, театральные произведения и имитации Востока, а вторые производят «корпус знаний» формируя ориентализм как дисциплину. Если в XVIII веке, Ориент служил романтическим флёром, «мотивом» или «дополнительным кейсом» для философского теоретизирования или сравнительного анализа, то в XIX веке изучение Востока уже требует более детального погружения «в тему», ориентализм становится

профессиональной специализацией для экспертов, интеллектуалов и учёных, часто напрямую связанных с колониальными институтами, находящимися на Востоке.

Как пишет Эдвард Саид, Восток был предоставлен европейцам как «поле» для широкого спектра карьерных инвестиций: «Ученый, исследователь, миссионер, торговец, или солдат был на Востоке или же задумывался о нем, потому что он мог позволить быть там, или же мог думать о нем без какого-либо сопротивления со стороны самого Востока» (Said, 1979:7). В результате таких в том числе и научных и интеллектуальных инвестиций, связанных с имперским наследием и наследием колониализма, возникает «новая отрасль знаний о Востоке в рамках западной гегемонии над Востоком» (Said, 1979).

После публикации монографии Эдварда Саида «Ориентализм», ориентализм стал обозначать именно такой господствующий европоцентричный подход к Востоку, а также инструментализацию и объективизацию Востока в процессе производства знаний о Востоке в том числе и для продолжения доминирования над Востоком. В результате такого неравноправного взаимодействия с Западом, Восток теряет собственную субъектность и саморепрезентацию и становится подчинённым европейскому дискурсу о себе. Через литературоведческий анализ известных текстов, составляющих «канон» британского и французского ориентализма, Саид раскрывает именно этот аспект конструирования или «ориентализирования» Ориента. Пассивность и подчинённость Ориента в процессе формирования воображения о себе выражена в известной фразе «Orient was orientalized». То есть, главная идея монографии Саида заключается в том, колониальное и постколониальное доминирование Запада над Востоком сопровождалась и продолжает сопровождаться культурной гегемонией, включающей в себя и дискурсивные практики в академической сфере. «К концу 18 века, пишет Саид, ориентализм формируется как корпоративная институция по взаимодействию с Ориентом – путём

заявлений о нём, уполномочивания взглядов о нём, его описания, обучения, обустройства, управления им, иными словами, Ориентализм как Западный стиль доминирования, переформатирования и власти над Ориентом» (Said, 1979). Для самого Саида Ориент сосредоточен или локализован на Ближнем Востоке. Это – в-основном, арабский, местами персидский и турецкий Ориент, который, согласно Саиду, был и старейшей колонией Европы, и главным локусом взаимодействия Европы с «другим» миром. Европа обрела свою субъектность как Европа и как нормативный Западный мир благодаря существованию Ориента.

Как пишет Саид в «Ориентализме», две супердержавы – Британия и Франция доминировали над Ориентом с конца 18 века и были главными центрами формирования «ориентализма», а после Второй Мировой войны уже Соединённые Штаты переняли эту эстафету. Собственно главной своей задачей в монографии Саид считает именно анализ «системного» ориентализма в Британской и Французской империях через производство знания об Ориенте, а также через производство собственной культуры и культурных артефактов, в которых Ориент играет роль главного «другого» (Said, 1979). В то же время Саид отмечает, что его книга далеко не полный анализ и история ориентализма, что есть и другие ориентализмы, которые ждут своего анализа – он упоминает итальянский, голландский, швейцарский, германский ориентализмы, и понятно, что этими ориентализмами список не исчерпывается (Said, 1979).

Заключение

После развала Советского Союза в англоязычной литературе получили распространение исследования о русском и советском ориентализме. Во второй декаде XXI века такие исследования стали просачиваться и в русскоязычную академическую среду. Одним из ведущих исследований по ориентализму в Российской империи и Советском Союзе стали книга Александра Эткинда *Внутренняя*

Колонизация: Имперский опыт России, которая была написана на английском в 2012 году и переведена на русский в 2013, а также сборник в основном литературоведческих статей Там Внутри: Практики Внутренней Колонизации и Культурной Истории России под редакцией Александра Эткинда, Дирка Уффельманна и Ильи Кукулина. Если основным вкладом книги Эткинда можно считать его концептуализацию России, как особой империи, которая была и является как субъектом, так и объектом колонизации – то, что другой исследователь Вячеслав Морозов называет *subaltern empire*, то сборник в большей части посвящен примерам ориентализма и внутренней колонизации в русской и советской литературе.

Согласно Саиду, ещё одним из важных аспектов Ориентализма является само по себе противопоставление Запада и Востока, как существующий на Западе (авторское: и на Востоке) образ мышления основанный на так называемом «онтологическом и эпистемологическом различии» между Западом и Востоком, который начинается чуть ли не с «основания» Западной цивилизации в Древней Греции. Литературным примером ориентализации Азии в древнегреческой культур служат пьесы «Персияне» Эсхила и «Вакханки» Эврипида. Если в первой опасными и враждебными «другими» представляются персы, оплакивающие у себя на родине унизительное поражение от греков в битве при Саламине, то в Вакханках проблематичным является привнесённый из Азии культ Диониса с его истеричными последовательницами, время от времени впадающими в религиозный экстаз (вакханалию) и теряющими в рассудок.

Многие критики «Ориентализма», (из наиболее известных: Айджаз Ахмад, индийский представитель марксистской школы сравнительного литературного анализа, а также британский ориенталист Роберт Ирвин, написавший в качестве критики Саида собственную альтернативную историю европейского ориентализма), отмечали, что такое «углубление» ориентализма до Древней Греции или даже до

средних веков (до «Божественной Комедии» Данте) не исторично, эссенциализирует «Запад» (Древняя Греция стала «Западом» лишь в новой истории) и противоречит самому понятию дискурса, которое могло возникнуть только с идеологическим аппаратом современного государства. Айджаз также отмечает, что определение ориентализма как образа мышления основанном на противопоставлении Запада и Востока противоречит другому (главному) определению Саидом ориентализма как дискурса, рождённого корпоративными колониальными институтами (Ahmad, 1992).

Скорее всего то, что Саид называет «онтологическим и эпистемологическим различием» между Западом и Востоком, можно назвать универсальной проблематикой «инаковости», которая может присутствовать в самых разных конфигурациях в разных геокультурных контекстах – «другим» может оказаться и Запад (например, «дикий Запад»), и Восток, и Юг, и Север, и Город, и Степь, и Остров, и Материк. Возможно, универсальный посыл «Ориентализма» как раз и заключается в объяснении механизмов того, как производятся и локализуются культурные «другие» через доминирующий дискурс. Поэтому сегодня глагол «ориенталайзинг» используется не только в значении «ориентализировать ориент», а более широко в значении представлять кого-то «другим»/«инаковым» с точки зрения проекта просвещения и западной эпистемологии, а также намеренно или нечаянно делать кого-то «объектом» доминирующей «внешней» репрезентации. Для успешного «ориенталайзинга» необязательно находиться на условном Западе. Можно даже находиться на Востоке и быть «человеком Востока» (проблема самоориентализации).

Финансирование

Статья опубликована в рамках проекта МНиВО РК – AP14870269 «Инфраструктура памяти: ревитализация культурных ландшафтов Казахстана (2022-2024 гг.).

Список литературы

- Aijaz Ahmad. 1992. In *Theory: Classes, Nations, Literatures*. – London: Verso. – 358 p.
- Bissenova A. 2017. «The Fortress and the Frontier: Mobility, Culture, and Class in Almaty and Astana». – *Europe-Asia Studies*. – Vol. 69. – № 4. – P. 642-667.
- Dipesh Chakrabarty. 2000. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. – Princeton. – P. 336.
- Edward Said. 1979. *Orientalism: Western Concepts of the Orient*. New York: Vintage Press. – P. 368.
- Fanon, Frantz. 1963. *The wretched of the Earth*. New York. Présence Africaine.
- Fanon, Frantz. 2008. *Black Skin, White Masks*. London: Pluto Press. – 224 p.
- Francine Hirsh. 2005. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, Cornell University Press. – p. 392.
- Gayatri Ch Spivak. Can the Subaltern Speak? [Электрон.ресурс] – 1988. – URL: <https://jan.ucc.nau.edu/~sj6/Spivak%20CanTheSubalternSpeak.pdf>. (дата обращения: 02.11.2022).
- Michael Herzfeld. 1997. *Cultural Intimacy: Social Poetics in the Nation-state*. – New York: Routledge. – 226 p.
- Morozov V. 2015. *Russia's Postcolonial Identity: A Subaltern Empire in a Eurocentric World*. – New York: Palgrave. – 217 p.
- Robert Irwin. 2006. *For Lust of Knowing: The Orientalists and Their Enemies*. –London: Penguin Books. – 304 p.
- Terry Martin. 2001. *The Affirmative Action Empire: Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. Ithaca, Cornell University Press. [Электрон.ресурс]. – 2022. – URL: <https://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt1rv61tj>. (дата обращения: 02.10.2022).
- Plostanova M. 2018. «The Postcolonial and the Postsocialist. a Deferred Coalition? Brothers Forever?». *Postcolonial Interventions: An Interdisciplinary Journal of Postcolonial Studies*. – № 1. – P. 1-37.
- Plostanova M., Mignolo W. 2012. *Learning to Unlearn: Decolonial Reflection from Eurasia and the Americas*. Ohio: Ohio State University Press. – P. 1-28.
- Walter D. Mignolo. 2007. *Delinking: The Rhetoric of Modernity, the Logic of Coloniality and the Grammar of Decoloniality*. *Globalization and the Decolonial Option*, – P. 449-514.
- Соколов М., Титаев К. Провинциальная и туземная наука. Антропологический форум.– 2013. – № 19. – С. 239-275.
- Тураев Б. «Восток Древний». в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890-1907. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. [Электрон.ресурс] – 2022. –URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA_%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B8%D0%B9. (дата обращения: 08.10.2022).
- Эткинд А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. – Москва: Новое литературное обозрение, 2013. – 448 с.

А.Ж. Бисенова

Назарбаев университеті, Астана, Қазақстан

Постколониалдық теорияның негізгі терминдеріне шолу және оларды «локализациялау» мәселесі

Аңдатпа. Мақалада постколониалдық теорияның негізгі терминдері, олардың қазіргі Қазақстандағы әлеуметтік-мәдени жағдайға өзектілігі мен қолданылуын талқыланады. Қазіргі кезде тарих, антропология, әлеуметтану сияқты әлеуметтік-гуманитарлық салада бүгінде батыс академиялық контекстінде немесе, дәлірек айтқанда, батыс академияларының бұрынғы еуропалық колониялардың зиялыларымен өзара әрекеттесуі аясында қалыптасқан постколониалдық теориядан алынған терминдер кеңінен қолданылады. Бұл терминдердің кең таралуына қарамастан, көптеген отандық және ресейлік ғалымдарда бұрынғы кеңестік кеңістікке постколониалдық фреймдер мен постколониалдық терминдердің қаншалықты қолданылатындығы және посткеңестік шындықты әлемнің басқа аймақтарындағы постколониалдық жағдайлармен салыстыру қаншалықты нәтижелі екендігі туралы сұрақтар қалады. Бұл шолуда екі

мақсат көздеуде: біріншіден, анықтамалар беру, екіншіден, бұл анықтамалар біздің нақты жағдайымызды сипаттау және теория тұрғысында қаншалықты пайдалы болатынын көрсету. Отарлау дегеніміз не, постколониалдылық дегеніміз не, отарлау алмастырудан немен ерекшеленеді? Отаршылдық пен постколониализм шығыстанумен қалай байланысты? Постколониалдылық қай уақытта отарсыздандырумен алмастырылды? Және соңында, бұл терминдер бізге қалай (кім арқылы) келді, олардың танымалдылығы немен байланысты және бұл терминдер біздің контекстке қалай сәйкес келеді немесе сәйкес келмейді?

Түйін сөздер: постколониалдық теория, отарлау, постколониалдылық, постколониалдық кемшіліктер кешені, деколонизация, ориентализм, шығыстану.

A.Zh. Bissenova

Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan

Review of the main terms of postcolonial theory and the state of their «localization»

Abstract. In this review, we will analyze the main terms of postcolonial theory and discuss their relevance and applicability to the socio-cultural situation in modern Kazakhstan. The terms borrowed from a postcolonial theory first appeared in the Western academic context or, more precisely, in the interaction between Western academics and intellectuals from former European colonies. These terms are now widely used in contemporary social sciences and humanities across the globe—in history, anthropology, and sociology. Despite the widespread use of these terms, many domestic and Russian colleagues continue to question whether the postcolonial frame and postcolonial terms apply to the former Soviet space and whether a comparison between the post-Soviet and postcolonial situations in other parts of the world is productive. This review will address two issues: firstly, we provide definitions for the terms, and secondly, we show how these definitions can help describe and theorize our particular situation. What are coloniality and postcoloniality, and how does coloniality differ from borrowing? How do coloniality and postcoloniality relate to Orientalism? At what point does decolonization replace post-colonialism? And, in the end, how (through whom) did these terms come to us, why did they become so popular, and how do they fit or don't fit in our context?

Keywords: postcolonial theory, coloniality, postcoloniality, postcolonial inferiority complex, decolonization, orientalism, orientalization.

References

- Aijaz Ahmad. *In Theory: Classes, Nations, Literatures* (London, Verso, 1992, 358 p.).
- Bissenova A. 2017. «The Fortress and the Frontier: Mobility, Culture, and Class in Almaty and Astana». *Europe-Asia Studies*. Vol. 69. No. 4. P. 642-667.
- Dipesh Chakrabarty. 2000. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton. P. 336.
- Edward Said. *Orientalism: Western Concepts of the Orient*. (New York, Vintage Press, 368 p.).
- Fanon Frantz. *The wretched of the Earth*. New York. *Présence Africaine*.
- Fanon Frantz. *Black Skin, White Masks*. (London, Pluto Press, 224 p.).
- Francine Hirsh. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. (Ithaca, Cornell University Press, 2005, 392 p.).
- Gayatri Ch Spivak. *Can the Subaltern Speak?* Available at: <https://jan.ucc.nau.edu/~sj6/Spivak%20CanTheSubalternSpeak.pdf>. (accessed 02.11.2022).
- Michael Herzfeld. *Cultural Intimacy: Social Poetics in the Nation-state*. (New York, Routledge, 226 p.).
- Morozov V. 2015. *Russia's Postcolonial Identity: A Subaltern Empire in a Eurocentric World*. (New York, Palgrave, 217 p.).
- Robert Irwin. 2006. *For Lust of Knowing: The Orientalists and Their Enemies*. (London, Penguin Books, 304 p.).
- Terry Martin. *The Affirmative Action Empire: Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. Ithaca, Cornell University Press. Available at: <https://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt1rv61tj>. (accessed 02.10.2022).
- Tlostanova M. «The Postcolonial and the Postsocialist. a Deferred Coalition? Brothers Forever?». *Postcolonial Interventions: An Interdisciplinary Journal of Postcolonial Studies*. 2018. No.1. P. 1-37.

Tlostanova M., Mignolo W. Learning to Unlearn: Decolonial Reflection from Eurasia and the Americas. Ohio: Ohio State University Press. P. 1-28.

Walter D. Mignolo. Delinking: The Rhetoric of Modernity, the Logic of Coloniality and the Grammar of Decoloniality. Globalization and the Decolonial Option, P. 449-514.

Sokolov M., Titaev K. Provincial'naja i tuzemnaja nauka. Antropologičeskij forum. 2013. No. 19. P. 239-275, [in Russian].

Turaev B. «Vostok Drevnij». v 86 t. (82 t. i 4 dop.). SPb., 1890-1907. Jenciklopedičeskij slovar' Brokgauza i Efrona. Available at: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%AD%D0%A1%D0%91%D0%95/%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA_%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B8%D0%B9. [in Russian]. (accessed 08.10.2022).

Jetkind A. Vnutrennjaja kolonizacija. Imperskij opyt Rossii [Domestic Colonization. The Imperial Experience of Russia]. (Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 448 p.), [in Russian].

Сведения об авторах:

Бисенова Алима Жумабаевна – Ph.D., ассоциированный профессор (доцент) антропологии департамента социологии и антропологии «Назарбаев Университет», Астана, Казахстан.

Bissenova Alima Zhumabaevna – Ph.D., associate professor of Anthropology in the Department of Sociology and Anthropology at Nazarbayev University, Astana, Kazakhstan.